Ни рук, ни ног, а токмо тайны уды.
И горько мне и больно — инда плачу.
Аз стал их, грешный, варом обливать,
Рукой ловить, топтать ногой, они же
Под стены подползают. Окопал я
Всю келийку и камнем затолок.
Они сквозь камни лезут. Из-под печи
Кошницею в реке топить носил.
Мешок на уды шил: не помогло — кусают.
Ни рукоделья делать, ни обедать,
Ни правил править. Бесьей той напасти
Три было месяца. На последях
Обедать сел, закутав уды крепко.
Они ж, не вем как, — все-таки кусают.
Не до обеда стало: слезы потекли.
Пречистую тревожить все стеснялся,
А тут взмолился к образу: «Спаси,
Владычица, от бесьей сей напасти!».
И вот с того же часа
Мне уды грызть не стали мураши.
Колико немощна вся сила человека!
Худого мравия не может одолеть,
Не только дьявола без божьей благодати.

2

Пока в пустыне с бесами боролся,
Иной великой дьявол церковь мучал
И праведную веру истреблял,
Как мурашей святые гнезда шпарил,
Да и до нас дошел.
Отец Илья, игумен соловецкий,
Велел писать мне книги в обличенье
Антихриста, в спасение царя.
Никонианцы, взяв меня в пустыне,
В темнице утомили, а потом
Пред всем народом пустозерским руку
На площади мне секли. Внидох паки
В темницу лютую и начал умирать.
Весь был в поту, и внутренность горела.
На лавку лег и руку свесил — думал
Души исходу лучше часа нет.
Темница стала мокрая, а смерть нейдет.
Десятник Симеон засушины отмыл
И серою еловой помазал рану.
И снова маялся я днями на соломе.
На день седьмой на лавку вполз и руку
Отсечену на сердце положил.
И чую богородица мне руку
Перстами осязает. Я ее хотел
За руку удержать, а пальцев нету.
Очнулся, а рука платком повязана,
Ощупал левой сеченую руку:
И пальцев нет, и боли нет. А в сердце радость.